

НАМИСТО

З ПЕРЛИН

ББК 84(4Укр)6

УДК 821.161.2'06

**ЗБІРКА ПОЕЗІЙ ВИПУСКНИКІВ
КАФЕДРИ СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ
ТА РОСІЙСЬКОГО МОВОЗНАВСТВА
(ПРИСВЯЧЕНО 100-РІЧЧЮ ДЕРЖАВНОГО
ЗАКЛАДУ «ЛУГАНСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА»)**

Упорядкування:

**завідувач кафедри світової літератури та російського
мовознавства,**

доктор філологічних наук, професор Дмитренко ВІКТОРІЯ;

кандидат філологічних наук, доцент Крижановська ОЛЬГА

СТАРОБІЛЬСЬК–ПОЛТАВА

2021

ЗМІСТ

ТАМАРА НЕДАЙНОВА	5
СЕРГІЙ ЧИРКОВ	14
ВОЛОДИМИР ПЕТРУШЕНКО	18
СЕРГІЙ КРИВОНОС	23
СЕРГІЙ ЗЯТЄВ	31
НАДІЯ СВІТЛИЧНА	49
ПАВЛО КРАВЦОВ	53
ЛЮДМИЛА ГРЕЧАНИК	62
ОЛЕГ НЕБОЛЬСІН	64
ВІКТОРІЯ ДМИТРЕНКО	70
МИХАЙЛО ЧИРКОВ	71
ОЛЬГА КРИЖАНОВСЬКА	75
В'ЯЧЕСЛАВ ГУСАКОВ	76
ЕЛЛА МІНАЄВА	80
КИР ІГОШЕВ	86

ДАР'Я ЗУБАРЬ _____ **89**

АНАСТАСІЯ МАРТИНЮК _____ **95**

ІРИНА ГРИГОРЬЄВА _____ **99**

АНТОН КОЗЛОВ _____ **104**

ОЛЕКСІЙ ДІЗЕНКО _____ **105**

ТАМАРА НЕДАЙНОВА (СТУДЕНТКА 1966–1971 РОКІВ)

НАШ ДОМ РОДНОЇ – НАША КАФЕДРА

В 1966 году я поступила учиться на историко-филологический факультет Луганского педагогического института имени Т.Г. Шевченко. Через год этот факультет стал филологическим, а еще через некоторое время – факультетом иностранных языков. После окончания педагогического института сбылась моя мечта – работать в школе. 5 лет – работа в СШ№47 г.Луганска и 23 года – в Институте усовершенствования учителей. Вернулась в свой родной институт, ставший к этому времени университетом, только в 1994 году, уже будучи кандидатом наук и отработав пять лет зав. кафедрой педагогики и психологии областного ИУУ. Наверное, это и стало причиной, по которой мне была предложена должность заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы Луганского государственного педагогического университета. К этому времени в школах Украины появился новый предмет – «всемирная литература»,

потом «мировая литература» и потому дважды кафедра была переименована. Сегодня название кафедры другое – кафедра мировой литературы и русского языкознания, что в полной мере соответствует изменившейся ситуации, потребовавшей изменений и в направлениях ее деятельности.

У нашей кафедры богатая история. Она возникла сразу же, как только был создан в Луганске педагогический институт, ставший потом университетом. Историю кафедры создавала целая плеяда замечательных ученых-филологов и педагогов, для которых она стала родным домом. Прежде всего я хочу вспомнить имена ее заведующих, начиная с 1960-х годов: Диченсков М.П., Беляев Б.Л., Колесник Ю.П., Грачева В.М., Недайнова Т.Б., Фесенко Ю.П., Ильин С.А., Дмитренко В.И. Все эти люди очень разные по своим взглядам, научным интересам, направленностью личности, но всех их объединяет главное – любовь к литературе, к филологии как науке, преданность делу, своей профессии, отношение к членам кафедры как к своей семье.

Большинство преподавателей кафедры – бывшие студенты нашего факультета. Это традиция кафедры, которая всегда была озабочена подготовкой научных и педагогических кадров. И мы возвращались на кафедру, как дети возвращаются домой не только в гости, но и навсегда, жить и работать. Это не случайно. Это заслуга наших преподавателей, ученых-филологов и методистов, которые учили нас тому, каким

должен быть учитель, ученый, человек на собственном примере. К сожалению, многих из них уже нет с нами давно: Борис Леонидович Беляев, Николай Максимович Бородавченко, Лариса Владимировна Горелик, Юрий Павлович Колесник, Людмила Архиповна Образовская, Мира Михайловна Радецкая, Сима Борисовна Табенцкая. Даже в свои совсем юные годы мы понимали, что нам просто повезло учиться у преподавателей такой сильной кафедры. Высокий уровень интеллигентности, широта и глубина знаний, доброжелательность и деликатность в общении со студентами, которые так органично сочетались с высокой требовательностью, строгостью и ответственностью за каждое сказанное в аудитории слово, за знания, которые они отдавали нам щедро, охотно, и на занятиях, и во внеаудиторной работе.

Никогда не забуду, как В.В. Самойлов работал со мной над первой курсовой работой, тема которой была «Мастерство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского». Владимир Васильевич учил работать с научной литературой, показывал, как искать в тексте нужные для обоснования своей мысли эпизоды и цитаты, анализировать авторскую позицию, делать собственные выводы. Я даже не представляла, что можно что-то списать, кроме цитат известных литературоведов и критиков, на которые, естественно, делались соответствующие ссылки, потому что эти ученые были безусловным авторитетом в науке. Это было мое первое

самостоятельное исследование на третьем курсе, которое неожиданно для меня отправили на всеукраинский конкурс в Винницу, где я и получила свою первую награду за научную работу. Такое не забывается.

На одном курсе со мной учились Лоповок Вера Львовна, моя самая близкая подруга со школьных лет, и Черниенко Лариса Владимировна, которые в будущем стали преподавателями нашего университета. Между нами никогда не было ни соперничества, ни зависти, ни недомолвок, но всегда наполненное смыслом и интересом к филологии общение, согретое желанием помочь, подсказать, посоветовать в любой ситуации. Вера Львовна, которая, к сожалению, ушла от нас навсегда в 2021 году, много лет отработала в нашем университете, а потом, как и я, в областном Институте усовершенствования учителей. Для нас с ней по сей день учитель-практик всегда был главным в создании любой научно-методической системы, в проведении настоящего результативного эксперимента. У Ларисы Владимировны Черниенко со студенческих лет я училась сдержанности, логичности и доказательности в любой научной дискуссии, в обычном споре. Не случайно она стала великолепным вузовским и школьным преподавателем, знающим свой предмет, пользующимся огромным авторитетом и любовью студентов и школьников, исключительно доброжелательным человеком. Большинство наших

однокурсников после окончания института пошли работать в школы нашей области.

Не могу не вспомнить глубоко уважаемого и ценимого мною преподавателя Веру Павловну Царёву тоже, к сожалению, уже ушедшую из жизни, которая всегда поражала не только студентов, но и нас, преподавателей кафедры, энциклопедичностью своих знаний в области литературы. Мне казалось тогда, что так детально, глубоко и точно знать тексты произведений древнерусской литературы, литературы XVIII века просто невозможно. Мое восхищение всегда вызывали ее преданность делу, желание привить любовь к своему предмету у студентов, такое искреннее удивление при соприкосновении с равнодушием и нежеланием некоторых студентов читать текст. Это был человек и ученый, для которого высокий профессионализм не слова, а сама жизнь.

Конечно, навсегда в моей памяти осталась Табенцкая Сима Борисовна, мой любимый преподаватель методики. Сколько теплоты души, желания помочь, научить, подсказать, веры в учительский талант каждого студента! Какой блестящий студенческий Театр она сумела создать на факультете, который просуществовал около 20 лет! Театр, на спектаклях которого присутствовали не только студенты филфака, но и всех других факультетов, преподаватели всего института и даже жители нашего города. Иногда зрители стояли в проходе, потому что мест не было. Кстати сказать, большинство

артистов студенческого Театра Симы Борисовны, стали великолепными учителями, лучшими в Луганской области (например, Павел Кравцов). Оказалось, что их театральная деятельность помогла им стать творческими людьми в профессии, потому что пришлось самим создавать сценарии по большинству произведений школьной программы, придумывать костюмы, работать над выразительным чтением, импровизировать, преображаться, фантазировать, работать над созданием образа, который имел для каждого артиста-студента личностный смысл. А ведь без всех этих умений и навыков нет учителя литературы. Театр, по мнению Симы Борисовны, это один из эффективных путей подготовки будущего учителя литературы.

Каждый из преподавателей нашей кафедры был уникальной личностью и в научном плане, и в преподавательской деятельности, но при разности характеров, взглядов, научных интересов это был настоящий, сплоченный коллектив, способный работать над выполнением достаточно сложных общих задач. Это изучение жизни и творчества нашего великого земляка, писателя и лингвиста В.И. Даля, проведение ежегодных Далевских чтений, на которые съезжались ученые-далеведы из разных стран и разных городов Украины. По творчеству В.И. Даля на кафедре были защищены две докторские диссертации (Ю.П. Фесенко и Н.Л. Юган), опубликованы материалы Международных

Далевских чтений. По итогам было выпущено 5 сборников тезисов, статей и материалов.

Одним из плодотворных направлений научной деятельности кафедры было исследование творчества В. Гаршина, жившего в городе Старобельске и написавшего там большинство своих произведений. Регулярно проводились и Гаршинские чтения, в которых принимали участие не только преподаватели и студенты, но и учителя школ города и области. Кафедра активно занималась изучением фольклора Луганщины, литературным краеведением, и писатели области были частыми нашими гостями. Не случайно на одном из заседаний возникла идея создания вначале сборника научных статей преподавателей нашей кафедры «Слобожанщина», а потом «Слобожанщина-Донбасс».

При кафедре был создан Восточно-украинский Центр изучения литературы и методики преподавания, в рамках работы которого были проведены встречи студентов и преподавателей с ведущими учеными-методистами Украины Н.Й. Волошиной, Ю.И. Ковбасенко, Л.Ф. Мирошниченко, А.В. Витченко, преподаватели кафедры Т.Б. Недайнова и Е.А. Покатилова стали соавторами «Програми для профільних класів загальноосвітніх навчальних закладів «зарубіжна література» (8–11 кл)» (2004). Коллективом кафедры (Грачева В.М., Горелик Л.В., Царева В.П., Недайнова Т.Б.) был издан учебник-хрестоматия для 9 класса «Зарубіжна

література)», утверждённый Коллегией МОН Украины, который выдержал три переиздания.

На кафедре активно разрабатывались проблемы истории русской и зарубежной литературы XIX, XX и начала XXI веков, теории литературы, литературной критики, русского зарубежья, проблемы детской литературы, методики преподавания литературы в школе. В 2006 году кафедрой всемирной литературы был издан «Библиографический указатель» научных трудов преподавателей кафедры, который насчитывал 350 источников.

В аспирантуре кафедры учились многие, кто сегодня работает на ней или в других вузах Украины, защитив кандидатские и докторские диссертации под руководством преподавателей нашей кафедры: Крыжановская О.А., Хабарова И.В., Покатилова Е.А., Юган Н.Л. и, к сожалению, покинувшая нас навсегда в 2021 году, Анна Плотникова–Лисайчук.

В 2011 году на должность заведующей кафедрой была назначена доктор филологических наук, профессор Дмитренко Виктория Игоревна, которое дала новое дыхание нашей работе. Она смогла продолжить лучшие традиции и привнести в работу кафедры какое-то особое тепло, доброжелательность и человечность. Вначале все присматривались, получится ли у нее, ведь кафедра всегда была непростой, потом поняли и поверили, что никто ничего

ломать не будет, что мы будем продолжать созидать, общаться и дружить. Сегодня наша кафедра работает в г.Полтаве, и все мы стараемся не просто выживать, а жить, работать, не потерять лучшего из накопленного нами опыта как в профессиональном плане, так и просто в человеческом. И сегодня, как и раньше, наша кафедра остается для нас родным домом.

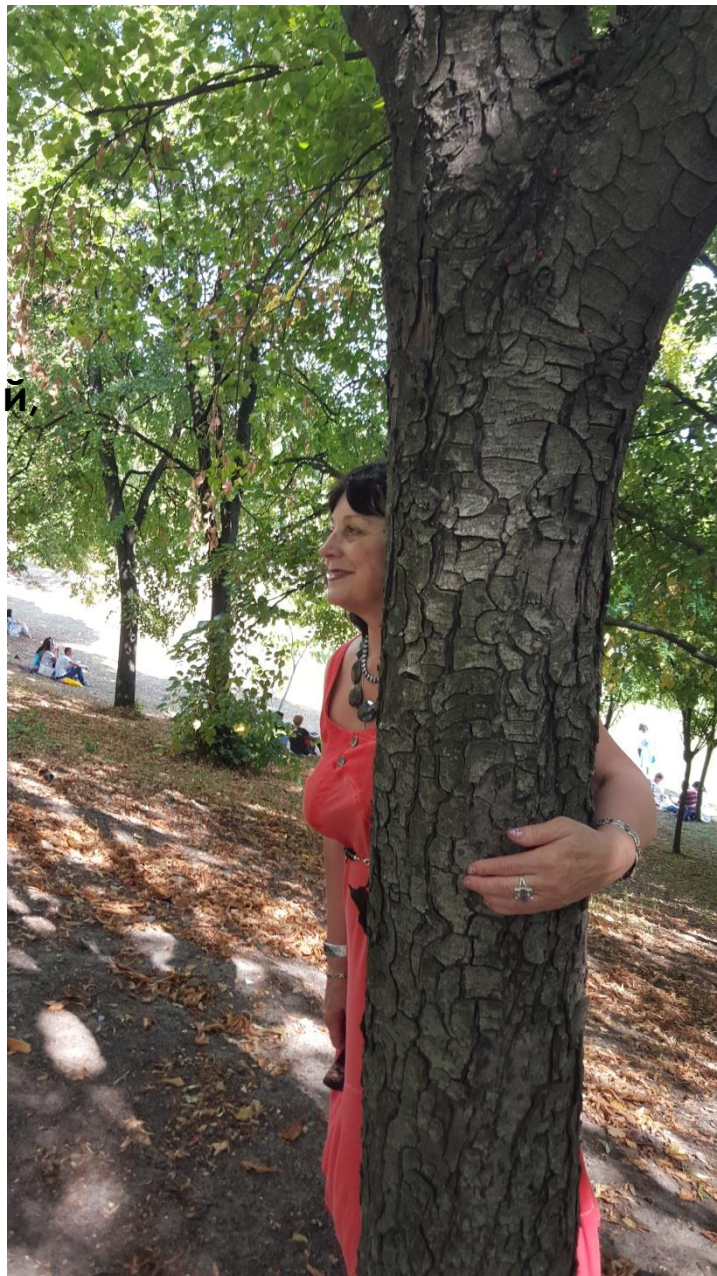
Предлагаем вашему вниманию стихотворения и воспоминания выпускников разных лет кафедры мировой литературы и русского языкознания. Этот сборник мы посвящает 100-летию нашего Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

**Недайнова Тамара Борисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент, почетный профессор
Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко**

СЕРГІЙ ЧИРКОВ

(СТУДЕНТ 1968-1972 РОКІВ)

**а вишні на вишнях – червоні,
а сливи, як водиться, сині,
гніді від народження коні
і в тому ніскільки не винні,
квадрат у Малевича – чорний,
світ – білий,
хоча і не білий,
а осінь – вона ще не скоро,
аби у садку пожовтіло,
зелені спадають покоси
на золото літньої днини...
Яка ти –
не відаю досі,
та певен:
моя і єдина.**

сьогодні або, може, позавчора,
коли поверне середа на дощ,
і змиє бруд із душ, облич і площ,
і всі побачать, хто тепер в фаворі –
не сонце і не вітер,
а вода,
яку горішні сфери вивергають
на середмістя
і хати, що скраю,
куди давно ніхто не забріда,
коли дїр'ява звіку парасоля
накриє світ всепрощенням води,
ми піддаємось на поклик середі
що вклякла, наче сфінкс, на видноколі,

ітиме дощ,
ітимуть в нім хати,
ітимуть і годинники,
й стежини
ітиме, дозріваючи, ожина,
і навіть – темнота із темноти,
усе кудись ітиме,
крім часу,
йому не треба,

він і так повсюди,
хоча одвіку не ходив нікуди
й не правив навіть з вічності ясу,

нам теж не треба –
де ще той Едем! –
стоятимемо в суцїм позавчора,
сходжу хїба по келих для кагору
і по ромашки вимиті дощем.

Син іде з війни додому –
третїй день
і п'яту втому,
сьомий місяць,
другий рік,
не стуляючи повік.
Вже здолав поріг
і сльози,
що зустріли на порозі.
Вже у хату увійшов,
із губи слизнувши кров.
Він от-от зачинить двері
і спитає про вечерю.

Зробить крок,
іще один.
Йде з війни додому син.
Вже знімає балаклаву,
сивину,
безсоння,
славу.
Вже усмішка крає рот.
Він повернеться. От-от...
Син іде.
З війни.
Додому.
Битий градом,
митий громом.
Боже, як йому дійти
з тих світів
у ці світи?
Другий рік
іде
невпинно.
Чим тобі зарадить, сину?
Протяг стіни розтина.
Син іде.
Іде війна.

ВОЛОДИМИР ПЕТРУШЕНКО (СТУДЕНТ 1974–1978 РОКІВ)

Окончил ВГПИ (ныне Луганский национальный университет) имени Тараса Шевченко в 1978 году, филологический факультет – «Русский язык и литература». Работал в школе, лицее, колледже. Сейчас работаю журналистом на ТРК «Рубежное» и спортивным тренером в СК «Зенит». Член МСПУ, МСПС, Конгресса литераторов Украины. Автор 4 прозаических и 4 поэтических сборников, лауреат литературной премии имени Михаила Матусовского.

Победитель и призер многих международных конкурсов в номинациях «Публицистика», «Проза», «Поэзия», «Художественный перевод», «Драматургия», «Литература для детей».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ УЧЕБЕ В ВГПИ

Учился я в пединституте я с 1974 по 1978 , а жил в одной комнате общежития техникума с Иваном Карпенко (стал деканом факультета иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент). С Ильей Кононовым (доктор

социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, обозреватель «Остров») и Петром Шевченко (Петр Біливода). Поэт, известный в Украине журналист, трагически погиб в Киеве.

В комнате общежития у нас всегда перед сном была интеллектуальная разминка командами два на два. Например, мы с Петром (мы с ним дружили потом и после института, когда он работал в «Молодогвардейце») даем слово (термин) - соперники дают дефиницию, определение. Отвечать надо быстро. Три попытки.

-«Стул»?

- Предмет мебели для сидения.
- И диван подходит.
- Для одного человека.
- И табурет подходит.
- Со спинкой на четырех ножках... и т. д.

А еще мы все были членами Луганского киноклуба «Волшебный фонарь». Руководил им Виктор Филимонов, помогал ему Евгений Марголит. Мы смотрели, а потом обсуждали (на кафедре философии и в самом клубе) интересные фильмы. Например, фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Замечательная жизнь была. Замечательные люди!

ПОХОРОНЫ ДЕРЕВЬЕВ

**Хоронили деревья. Их птицы с утра отпевали,
Голосили ветра, плакал дождь, омывая листву.
Хоронили деревья. Им тонкие руки ломали.
Закрывали глаза, закрывая навек синеву.**

**Хоронили и землю, по-русски ее поминали:
Горстью горькой земли прикрывали земное чело.
Хоронили цветы, к лепесткам их цветы возлагали.**

**На земле без цветов сразу стало зловеще темно.
Если это не впрок, то мы все распадёмся, как атом,
На убийства и ложь, на валюту и на пустоту.
Если это не впрок, то какого же прока нам надо?
«Мир спасет красота...» Ну, а кто же спасет красоту?**

ОТЦОВСКИЕ БОТИНКИ

Мы в детстве все любили щегольнуть
И каждый месяц рост свой отмечали.
Мы, как гармонь, растягивали грудь,
Казалось нам, могучими плечами.

Гордился я, что вот отца догнал.
Его ботинки мне малы и узки.
Гордился я... я просто забывал -
Он отморозил пальцы ног под Курском.

Уже давно я вышел в мужики.
Лежат в альбоме детства фотоснимки...
Но малые отцовские ботинки
Всегда. Всю жизнь.
Мне будут велики.

МОНОЛОГ ДОМА

**Я - дом на слом. Зияют окон дыры,
И на морозе слышен хрип в груди.
Как мертвецы, молчат мои квартиры,
И только ветер домовым гудит.**

**Я дом на слом. В музей вот не вышел,
И нет дощечки на моей стене.**

**Собой от ветра заслонял я вишню,
Она, должно быть, вспомнит обо мне.**

**Из дальних городов, из долгих странствий
Вновь возвращались жители ко мне,
И я по-настоящему был счастлив,
Храня покой их ночью в тишине.**

**Я дом на слом. Меня всего разрушат
На погреба, сараи, гаражи...
Но в том, что я был в этой жизни нужен,
И есть мое – «бессмертие души».**

СЕРГІЙ КРИВОНОС

(СТУДЕНТ 1974 – 1978 РОКІВ)

ИСТОРИЯ С БИЛЕТАМИ

Конечно, в студенческой жизни было много всевозможных «приколов», но мой небольшой рассказ о том, что произошло за пределами вуза, но тесно с ним связано.

Летом во время каникул мы со своим другом и одногруппником (ныне – прекрасным поэтом и прозаиком) Володей Петрушенко «дикарями» поехали на Черное море. Деньги у студентов, понятно, были небольшие, но в то «проклятое застойное» время даже студент мог поехать летом

отдохнуть на ЮБК. По «кабакам» и всяким забегаловкам мы, понятно, не ходили, но духовно-возвышенные места старались посетить. Одним из них был домик Чехова в Ялте.

Время, повторюсь, было советское, и длиннющая очередь к кассе за билетами, дававшими возможность посетить памятное литературное место, не была удивлением. Мало того, что выстоять в этой очереди можно было только при условии большого запаса времени, возле самой кассы еще и висела табличка, сообщавшая: приобрести билеты можно только на вечернее время (все остальные билеты уже были проданы). Ситуация складывалась критическая: надо было или рискнуть и выстоять многометровую очередь, или возвращаться обратно (а проживали мы в небольшом поселке Ай-Даниль возле Ялты).

Для студентов филологического факультета желание посмотреть дом классика было вполне понятным. А к тому же и наш куратор, В.В.Самойлов, был чеховедом, ему было бы приятно узнать, что студенты так живо интересуются творчеством именно этого писателя. Вот, вспоминая нашего преподавателя, и стояли мы в хвосте бесконечной очереди, размышляя, как поступить дальше.

И вдруг моего друга осенило — а давай-ка скажем работникам дома-музея, что мы учимся у чеховеда, может это как-то поможет!

Мысль хорошая, но как ее донести до работников учреждения, когда пускают на территорию только по билетам,

которых невозможно купить? Ситуация патовая, но... студент он и на черноморском побережье студент. Мы обошли огороженную территорию, выбрали подходящее неприметное место и... махнули через забор. На дорожке усадьбы нас сразу же заметили и заинтересовались — кто такие и как здесь оказались.

«Мы студенты, наш преподаватель чеховед, Владимир Васильевич Самойлов», — быстро произнесли мы со слабой надеждой, что это поможет. «Владимир Васильевич! — радостно воскликнула работница учреждения, — так это же наш бывший директор. Мы его так любили и уважали!» Завязалась беседа, нас с интересом спрашивали о Владимире Васильевиче, мы радостно отвечали, понимая, что с каждым ответом резко возрастают шансы посетить дом-музей.

Так и произошло, после расспросов и ответов, работница музея подошла к кассе и попросила продать без очереди два билета студентам из Луганска. Экскурсия, на которую мы счастливым образом попали, была интересной и запоминающейся. А по возвращении на занятия в институт, мы с другом рассказали Владимиру Васильевичу Самойлову эту историю и передали огромный привет от его бывших сослуживцев, чему он был очень и очень рад.

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомленной работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей, так беспечно рискуешь,
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую потерю простую,
Нам ли, людям большим, небольших муравьев замечать?

Вот укусишь, и сразу окончится век твой недолгий.
Страшный зверь — человек, но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперед вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьем.

Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете —
Мы вгрызаемся в мир, в суете бесконечной живем.
Посреди васильков, посреди скоротечного лета,
Понимаешь, что жизнь — изначальное счастье твое.

Вот пополз и второй муравей, презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьев есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас.

**Каждый сам по себе посредине занудного быта,
Каждый сам по себе, оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьев единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити — веками искать.**

**Поле. Небо. Заря. Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор. Снова щелкнул вдали соловей.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
И не знает, что он — лишь частичка державы моей.**

Григорий жизнь невесело прожил.
Война. Послевоенная разруха.
«Прожил, а ничего не накопил», —
Ворчала иногда жена-старуха.

Он понимал, что время — умирать,
Но все дела, дела не позволяли.
И сыновей хотел уже позвать,
Да где там — забрались в глухие дали.

Но стало все-таки невмоготу,
За горло взяли старые болячки,
И жизнь упрямо подвела черту,
Последний день Григорию назначив.

Вот так — когда Григорий тихо спал
И слышал, как негромко сердце бьется,
Какой-то странный голос прошептал,
Что все... что день последний остается.

Дед встал. Печально скрипнула кровать.
Взглянул в окно — земли сухие груды.

Подумал вдруг: «Кто ж для меня копать
Такую твердь суглинистую будет?

Как ни крути, а некому. Ну, что ж, —
Прокашлялся. Погрел у печки спину. —
Возможно, завтра разразится дождь,
Промочит грунт, тогда и опочину».

Порой казалось, нету больше сил,
Ни капельки уже их не осталось,
А он, крестясь, у Господа просил,
Чтоб тучи поскорее собирались.

«Куда моей старухе яму рыть —
Ей жизнь давным-давно пора итожить.
А если б дождь прошел, то, может быть,
Управился б сосед — он чуть моложе».

И дед терпел, хоть было все трудней.
В груди давило. Губы сжал до боли.
Как будто был не в мазанке своей,
А там, под Оршею, на поле боя.

Хотелось показаться, уходя,
Таким, как был, — и крепким, и удалым...

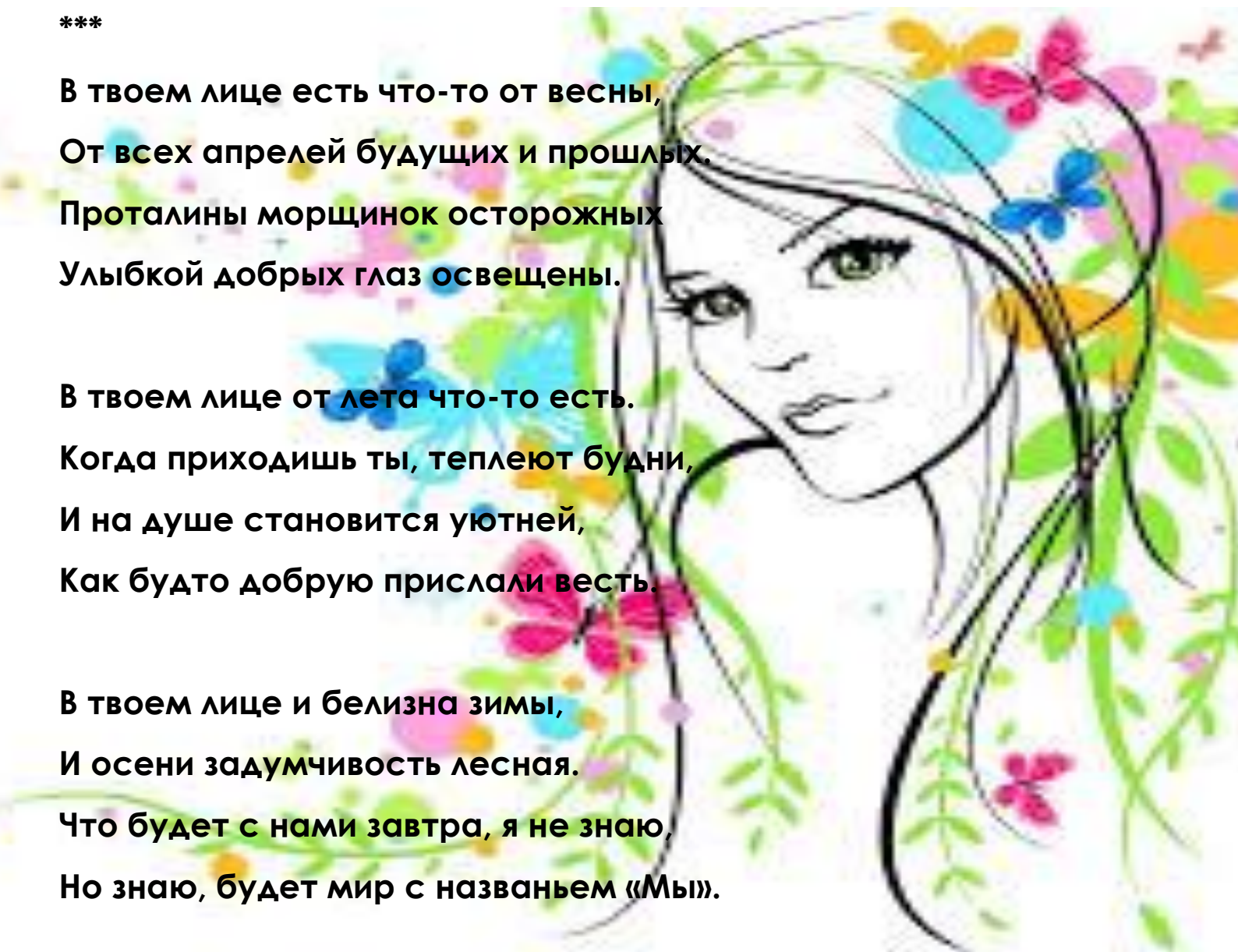
Он умер через день, после дождя,
Когда земля сырой и мягкой стала.

В твоём лице есть что-то от весны,
От всех апрелей будущих и прошлых.
Проталины морщинок осторожных
Улыбкой добрых глаз освещены.

В твоём лице от лета что-то есть.
Когда приходишь ты, теплеют будни,
И на душе становится уютней,
Как будто добрую прислали весть.

В твоём лице и белизна зимы,
И осени задумчивость лесная.
Что будет с нами завтра, я не знаю,
Но знаю, будет мир с названьем «Мы».

И, небо исписав наискосок
Безоблачными буквами созвездий,
Хмельная ночь нам окна занавесит
И бережно прижмет к виску висок.

СЕРГІЙ ЗЯТЄВ

(СТУДЕНТ 1977–1982 РОКІВ)

Родился я 12 апреля 1959 года в селе Малоалександровка Троицкого района Луганской области в семье хлеборобов. Там же закончил шесть классов местной школы, седьмой- в соседнем селе Тимоново (5 км пешком). В 1973 году семья переехала в городок Зимогорье. Закончив в 1976 году местную школу, я был принят на работу на шахту “Черкасская - 2” помощником горнорабочего, потом был переведён в ЭМО помощником электрослесаря, после чего был направлен от шахты на учебу в Перевальское ГорПТУ №79 и одновременно был зачислен на вечерние курсы шофёров в г. Зимогорье. Четыре месяца: утром дизель (билет 10 коп.) на занятия в Перевальск, а на 18:00 - автобусом (билет 15 коп.) в Зимогорье. Получал стипендию 100 рублей: 60 - шахта, 40 - ПТУ; так что был вполне самостоятельным человеком. В ту пору мы с друзьями - одноклассниками любили петь песню, которую я написал в далёком 1976 г. «Мы распрощались...» . После окончания училища, остался работать электрослесарем подземным на ВШТ на шахте до поступления в 1977 году в Луганский пединститут.

Чуть - чуть покачиваясь, клеть
Несётся «на – гора».
Опять встречаем мы рассвет
У шахтного двора.

Чумазных лиц весёлая взгляд
До мелочи знаком.
Да, много лет тому назад
И я был горняком.

На шахте проработав год,
Пошёл в пединститут.
Мне не забыть солёный пот,
Шахтерский тяжкий труд.

ЭМО мне тоже не забыть
И ВеШеТе, друзья.
Без них не стал бы, может быть,
Кем стал попозже я.

В воспоминаниях живу,
Кропая этот стих.
Увидеть хочется братву –
Всех сверстников своих.

И подводя опять итог,
Мотая жизни нить,
Мечтаю с фляги я глоток
С друзьями разделить.

Мы распрощались с предприятием родным,
Нас на полгода в бурсу посылают.
А в Перевальске коммунарский дым
И вместо снега сажа хлопьями летает.

О, Зимогорье, городок родной,
Я не дождусь когда с тобою встречусь,
И не дождусь, когда наступит выходной.
Я, кажется, тебя не видел вечность.

С первого захода я в пединститут не поступил, потому что мы дома (в Зимогорье) забыли пропуск на первый экзамен. Пока отец ездил - прошло полтора часа, которые мне показались вечностью. Но и за оставшееся время я успел нацарапать на «четвёрку». А вот иностранный меня подвёл конкретно – «тройка». Инна Абрамовна как ни пыталась извлечь из меня какие-то немецкие спряжения – ничего не вышло. Да и что могло выйти, если в первой школе я учил немецкий (5-6 кл.), в

седьмом - испанский, в Зимогорье (8–10 кл.) – английский? В итоге получился «парагвайский». Одним словом – один балл не добрал. Так что я, вторично поступая, имел уже конкретное представление о вступительных экзаменах. И поступил–таки. Но тут новая заковыка – с общежитием: 16 человек в комнате.

Квартиру с родителями мы нашли рядом с вузом, на улице Братьев Палкиных. Сначала я поселился у хозяйки Натальи Михайловны. Комнатка была малюсенькая, как у Родиона Раскульниковца. Но чуть позже я переселился к соседу, Макову Ивану Михайловичу.

Я лучше об этом спою песню:

ИСПОВЕДЬ МАКОВА ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА

Опять ребята дверь не закутали *,
Курили, пели долго и играли.
А мне под утро снова убирай...
Ведь это дом... Не хлев и не сарай.
От безразличия я просто холодею,
Не раз рассказывал я Юрке и Сергею,
И Сашке хоть талдыч, хоть не талдыч,
В ответ: «Не каркай, – слышу, – старый хрыч...»
Не сахар холостяцкая житуха,
Спасают «Прима», баня, бормотуха...
Её прежде, клятую, не пил,
Распился, как жену похоронил.

А баньку с детства посещать приучен,
Что может быть полезнее и лучше,
Когда есть веник, шайка и вода?
Уходят – с тела грязь, с души - беда.
Не откажи сегодня, ради Бога
Сыграй и спой мне «Вологду», Серёга.
Её когда поёшь – аж стынет кровь,
Ух! Бацаешь не хуже «Песняров».
Играл потом я на своём баяне,
Михалыч был под мухой, но не пьяный.
Мне подпевала от души братва,
Просила повторить не раз, не два...
И я мечтаю от души сейчас:
Вернуться бы в то время хоть на час.
*Закутать-закрывать.

Попал я в группу «А» : 28 девочек – и я. Был еще Александр, но его сразу исключили за пьяный дебош в общежитии.

Прекрасная была группа. С девчонками я сразу же подружился. Первое полугодие для меня (как и для многих) было трудным. А вот после сессии немножко полегчало. Припоминаю 23 февраля. Девчонки купили мне гитару, рубашки, одеколон. Всё прекрасно! Но на горизонте замаячило 8 Марта. Стипуха в 45 рублей не спасала. Заначка от шахтёрских денег ушла еще в первом семестре.

--Так, – думаю, – Куплю торт «Птичье молоко» («Перник» только открылся), мимоз прикуплю...

Но если т орт еще была возможность купить, то мимозы, привезённые армянами целыми чемоданами, стояли очень дорого.

–Выручай, гитара! – решил я.

Написал песню, купил «Птичье молоко», и даже не одну коробку. И – вперед:

**О Ромео и Джульетте
Много песен сложено.
Я спою вам песни эти.
Скиньтесь на морожено.**

Припев:

**Эх, Тани, Тони и Оксаны,
Иры, Люды и Светланы
Петь я вам не перестану
И не устану, и не устану.**

**Впереди еще три пары,
Я вот так шурупаю:
Выручай сестра-гитара,
Будем петь всей группой.**

Припев:

**Петь я буду бесконечно,
Так, как спел вам давеча.
Только вы любите вечно
Все Сергея Николаича.**

Припев:

**Эх, Тани, Тони и Оксаны,
Иры, Люды и Светланы.
Только вы мои богини,
Мои богини - филологини.**

Что творилось после исполнения песни (а я к тому времени уже солидно играл и пел).

Одним словом: праздник удался...

А потом и литературные вечера, которые готовила наша группа (помню вечер Гарсии Лорки), дни рождения, КВНы, да баян в придачу...

Пошло -поехало... Еще на первом курсе меня избрали заведовать культмассовым сектором факультета, агитбригада под руководством Юрия Колесника, юморины, «20 минут смеха». А сценарии Сергея Кривоноса и Владимира Петрушенко? Первые места были наши!

Когда-то мне в студенческие годы
Был не плохой по жизни жребий дан.
Любил я свой филфак, футбол, свободу.
Гитару и, конечно же, баян.

От Чумакова, бабушки Ирины,
(Те, кто их помнят, сразу же поймут)
Готовила тайком мы юморины,
Их посмотреть спешил весь институт.

Не поместить желающих всех вале,
На представленье шли, как на парад.
Вот почему тогда арендовали
ДК «Строителей» – теперешний театр.

Играли мы всегда самозабвенно,
Филфак прекрасно зритель принимал
Дрожали от оваций окна, стены,
А сцену накрывал девятый вал.

Истфак с физвоспом не снимали пенку-
Наш факультет им шанса не давал.
Сценарий Кривоноса, Петрушенко
У всех нас вызывал восторга шквал.

Мы помним сценки, и стихи, и песни,
И хохот зрителей, поверьте, не забыт.
И жить в то время было интересней,
Хоть непростой был жизни колорит.

Я помню эти шутки, как с вулкана,
И хохот, что катились слёзы с глаз.
Евгения Мороз, наш зам декана,
За них чертей давала нам не раз.

Всё это было так неповторимо,
Свой взгляд, свой почерк был и свой узор
И по-студенчески непревзойдённо зримо,
Что помнится, поверьте, до сих пор.

Нам оттого и хочется вернуться
В студенческие годы каждый раз,
Что песни те до сей поры поются,
И шутки не ушли ещё в запас.

Во время встреч с однокурсниками звучит обычно по их
просьбе эта песня:

А я пою тебе, пою тебе
Песни эти,

Я пишу тебе, пишу тебе,
Стихи пишу.
Видно, стану очень скоро
Знаменитым я поэтом,
Композиторов известности лишу.
Только ты не замечаешь
И не хочешь видеть это.
Равнодушие такое
Душу превратит в пустырь.
Так и знай, если не стану
Знаменитым я поэтом,
То уйду без сожаления
В девичий монастырь.
Так и есть! Сбылося кем-то
Предначертанное чудо.
Все сбылось. А как сбылось-
Я не могу понять никак.
И откуда только знают
Наперед святые люди?
В институт попал тогда я
На прославленный филфак.
И живу который год я
Без забот и без волнений.
В окружении прекрасном,
Этот круг вам всем знаком...

Я не стал еще поэтом,
Но, наверно, очень скоро
Стану круглым дураком.
Со своими курсовыми
Забодала баба Ира,
Чумаков стал относиться
К нам, студентам, понежней.
Как на зло еще хозяин
Выживает из квартиры,
А до сессии осталось
Чуть побольше пяти дней.
А я пою тебе, пою тебе
Песни эти,
Я пишу тебе, пишу тебе,
Стихи пишу.
Видно стану очень скоро
Знаменитым я поэтом,
Ну а если вдруг не стану-
Извинить меня прошу.

Светлая память Ирине Мстиславовне Подгаецкой, Георгию Михайловичу Чумакову и всем умершим преподавателям нашего вуза.

А вот вам эпизод как я сдавал экзамен по зарубежке Ларисе Владимировне Горелик. Если бы не эта песня,

написанная в 1978 году, я бы и сам не вспомнил о таких событиях:

Беру билет дрожащею рукой,
В нем, как Колумб, открыл я пять Америк.
Всё ново... Интересно, но какой
Мне приговор сегодня вынесет Горелик.

«Отверженных» Гюго я не читал,
Не знаю о судьбе Жана Вальжана.
В испуге позабыл все то, что знал.
Лишь помню приключенья Дон Жуана.

За парту сел с поникшей головой:
«Отверженные», как назло попались,
«Восточные поэмы»... Боже мой!
Горелик строго требует анализ.

Как отвечал – себя не помню я,
Лишь помню, что кивала головою.
–Ну, – думал, – подколотая змея,
Сейчас расправишься, наверно, ты со мною.

Мицкевича читал я наизусть,
Да что там говорить? Я не хваляюсь,

А тут, наверно, всё же похваляюсь,
Что я всего два раза только сбился.

Всё обошлось тогда без лишних слов,
«Четвёрку» мне поставила в итоге.
Но взгляд её был дерзок и суров
И недовольство выражал немного.

За дверь я вышел и вздохнул легко,
В руках вертел взволнованно зачётку
По коридорам гром был слышен далеко,
То я от радости выплясывал чечётку.

С одноклассниками и однокурсниками не часто, но
встречались. Созваниваемся и встречаемся с ребятами, с
которыми жил в одной комнате в общежитии №1: Золотарёвым
Володей, Ковганом Виталием, Волощенко Юрой.

Вот именно для них написаны эти песни:

Место встречи изменить нельзя,
Едут в гости юности друзья.
Той поры, той жизненной весны,
Дорогие сердцу пацаны.

Марковский и Троицкий район,

Новопсковский, и тебе поклон.
И судьбе спасибо, что тогда
Навсегда сдружила, навсегда.

Я не пью, от счастья просто пьян,
За столом гитара и баян.
Мы ведём беседу не спеша
Искренне - радушно, по душам.

Вспомним тех, кто нас тогда учил,
Об ушедших с грустью помолчим.
Пусть полна зигзагов жизни нить,
Что бы ни случилось - нужно жить.

Так спасибо Богу, что живём,
Тост поднимем и опять нальём.
Ведь его не обойти никак
Тост за дружбу и родной филфак.

МЫ С ФИЛФАКА

Друзья студенческой поры,
Друзья студенческой эпохи,
У жизни правила игры
Суровы и к чему здесь вздохи.

Пусть годы, как в песок вода,
Нас время не щадит, однако,
Душой мы молоды всегда,
Мы с филфака.

Виталик, Вовка и Юрец,
Я очень рад вас видеть снова.
Под звук взволнованных сердец
Не грех все вспомнить, право-слово.

Пусть истрепали нас года
В шторма бросая и на мели.
И это вовсе не беда,
Что мы немного посидели.

Сидим мы снова за столом,
О лучшем не мечтая подарке.
Что вы приехали в мой дом,
За это и поднимем чарки.

Я, может, что сказал не так,
Рак тоже рыба на безрыбье...
Филфак же был и есть филфак,
За нас и за него мы выпьем.

УЛИЦАМИ ВОРОШИЛОВГРАДА

**Знаю я красивые
Харьков и Донецк,
Но как пел Высоцкий
– Мне туда не надо...
Я прошелся б
Из конца в конец
Улицами Ворошиловграда.
Сразу б посетил
Родной пединститут,
«Украину», цирк, общагу, «Перник».
И в «Донбасс» на несколько минут,
А потом на рынок
Через скверик.
По Советской гордо бы шагал,
Вот бассейн «Динамо»,
Дом со шпилем.
Я б среди тысяч улочек узнал
Переулок Палкиных,
Где жили
Мы на первом курсе с пацанвой**

Разношерстной озорной коммунной...

Ты – навек со мною,

Я – с тобой,

Ворошиловград мой вечно юный.

Стихи пишу с детства. Первое стихотворение опубликовано в Славяносербской районке. Мои публикации помещены в коллективных сборниках «Оберіг надії», «Козацька вольниця», «Музична Сватівщина», «Співай, Луганський край».

Вышли три сборника стихов и песен «Когда соловушка поёт», «Джерельце є у кожного своє», «Пливе над річкою лелека». Песни пишу на свои стихи, стихи местных авторов, известных поэтов. Исполнял их на фестивалях, концертах, а передачах районного и областного радио и телевидения.

Лауреат (первая премия) республиканского фестиваля «Боромля 2002», «Слобожанский Спас», фестиваля «Я славлю жінку Сватівщини». Дипломант республиканского фестиваля «Молодая гвардия». Имею почетное звание «Залуженный артист Слобожанщины».

По распределению был назначен учителем Петровской СШ Сватовского района, позже стал директором этой школы.

С 1994 года – директор Свистуновской СШ. С 2002 – директор Сватовского районного молодёжного центра «Слобожанська духовна криниця ім. М. Н. Щепенка».

Избирался депутатом Сватовского райсовета.

Работал помощником-консультантом депутата Верховного Совета Украины Е. Фоменко. Женат. Жена - Наташа, дочери – Катя, Лина, внучка-- Катя, зять – Имед.

Продолжаю писать стихи и песни. Готовлю новый сборник. Живу в Киеве на проспекте Победы, 21.

Прилетайте, заезжайте, заходите...

7.12.20

НАДІЯ СВІТЛИЧНА

(СТУДЕНТКА 1977–1981 РОКІВ)

Чи мені примарилось,
Чи мені наснилось.
Знов весняним цвітом
Вся земля укрилась.
Знов голублять зорі,
Мов кохані очі,
Й думати про зиму
Серденько не хоче.
Не гуввіса-вітер
Бродить в голім вітті –
Бавляться дзвіночки –
Весни веселі діти.

Десь в гаю зеленім
Бавляться дівчата
Вийду в синій вечір
тебе зустрічати.
А у небі місяць

На долю чаклує,
Світлу доріженьку
Для нас двох торує.
І зими немає –
Серця два гарячих...
Хто це там за вікнами
Тужить так і плаче?

Память сердца
Не воротишь, не вернешь, не повторишь,
Время мчится – его не обуздаешь,
И недосказанное – не договоришь,
И несбывшееся – не переиграешь.
Не догонишь, не исправишь, не переиначишь,
И упущенное вновь не наверстаешь.
Пожалеешь, погорюешь и поплачешь –
И вновь надеешься, и вновь прощаешь.

**** ***

Плачет ночь нездешними слезами,
Стекающая по оконному стеклу.
Что было – было все не с нами,
И было лишь во сне – не наяву.
Пылали где-то дальние зарницы,
Роняя звезды в смятую траву.

С тобою мы – две раненые птицы,
Которым не подняться в синеву.
Я руки протяну тебе навстречу,
Ты рядом – и вот нет тебя нигде.
Гаснут на ветру пылающие свечи,
Нам оставляя память о мечте.

**** ***

Падає, падає листя
Під вітру сумний переспів.
Гойдає осінню колиску
Іще не прожитих днів.
Оце листопадове диво –
Ясна чистота й беспорядність,
Усмішка тендітно-тремтлива
І ніжних снів безоглядність.
Усе в цьому світі плинне,
І цей падолист мине,
Листочком останнім осіннім
Примхливе життя промайне.

**** ***

Снова осень дождями стелется,
Снова грустные песни поет
И порой мне никак не верится,

Что все отболит, все пройдет.
Пройдет безмятежная радость
И горечь случайных обид,
Огнем перезревших ягод
Рябины костер догорит.
И встречи, и расставания
Заткнутся нитью дождей,
В неистовом ветра рыдании
Потухнет пламя страстей.
Все перетерпится, все перемелется,
Переболит, заживет...
Снова осень дождями стелется,
Снова грустные песни поет.

ПАВЛО КРАВЦОВ

(СТУДЕНТ 1979–1984 РОКІВ)

Павел Иванович Кравцов (16.02.1958–21.03.1999) умер непостижимо рано, оставив после себя несколько почти самизадотовских книжек.

Как охарактеризовать в резюме несколькими главными словами этого потрясающего человека? Он был по нынешним меркам несовременным: благородным, порядочным, принципиальным, заступающим за слабых даже ценой собственного жизненного успеха или карьеры, честным, удивительно добрым, талантливым, молодым и очень красивым. Он был человеком Возрождения.

Он любил поэзию Николая Гумилёва и считал себя его учеником.

Он любил детей и был потрясающим учителем - от Бога. Такие учителя даются нам только раз и определяют ход всей нашей дальнейшей жизни.

Он служил на границе и занимался у-шу.

Он никогда не проходил мимо страждущего и нуждающегося.

Он любил Серебряный век и вел на телевидении просветительские передачи об этом.

Он был потрясающим актером, играл в театре и в КВН, удивительно читал стихи.

Он любил жизнь и жизнь любила его, хотя и дана была ему такой недолгой и короткой.

Когда он умер, все мы – его ученики – были потрясены и сломлены. В моей памяти тогда всплыли строки из его стихотворения «Колет сердце» (он часто дарил свои стихотворения друзьям «на память»), я перечитала его и была потрясена датой написания – 21 марта 1989 года – ровно за десять лет до смерти Павел Иванович предсказал свой конец. Видимо, душа его хотела, чтобы я обратила на это внимание и рассказала другим. Этим стихотворением я и начну эту страницу.

Ольга Крыжановская (Максимова)

Колет, колет, колет сердце,

Даже слова не сказать.

Изломалась сердца дверца,

Может - скоро умирать.

Столько добрых дел я начал,

Закипела песней кровь.

Эх, вот счастье - без сдачи

Раздавать души любовь!

Людям - мысли, людям - силы

И высокие мечты.

Так нехстати о могиле

Глухо, сердце, молвишь ты.

Ну коли, коли, дурное!

Думаешь, я закричу?

Молча, верою в святое

Я дурное залечу.

Сколько хватит силы Божьей,

До последней дрожи век,

Буду жить судьбой тревожной,

Потому что - человек.

21 марта 1989

Вы так пронзительно красивы,

Что рядом с вами всяк урод,

Вы так презрительно спесивы,

Что даже оторопь берет.

Вы улыбаетесь так ясно,
Что мне становится темно.
Люблю я Вас, люблю напрасно,
Люблю безмолвно и давно.

Но одинокое мученье
Дождется верности наград.
Я жду, придет мое мгновенье,
На мне задержите Вы взгляд.

Тогда закрою горизонты
И так Вам в душу посмотрю,
Что Вы вздохнете пораженно,
И Вы поймете: я люблю.

Сойдут друг к другу наши лица,
Два чувства сложатся в сонет,
И счастье наше будет длиться...
Начавшись через сколько лет?

О, боги, как я одинок,
Как в этом мире неуютно!
Тиски тоски пекут висок,
И смерть подглядывает мутно.

Ни слез, ни песен, ни друзей,
А вместо сердца - прах как будто.
За правду бился много дней,
Чего добился? Неуютно.

Гляжусь в искринки юных глаз,
Прошу, о Боже, пусть не гаснут,
Пусть мир не видят без прикрас,-
Жить без иллюзий так опасно!

Я схоронил свою любовь
В большой заправдашной могиле,
Моя бунтующая кровь
Рвалась покинуть тела жилы.

Зачем же жить, коль я один?
И я рукой за смерть схватился,
Но поседевший господин
В тот час к могиле воротился.

И стал твердить, что надо жить
И приносить цветы любимой,
И в честь ее стихи сложить,
Что нет беды неразделимой.

От слов хороших в черноте
Увидел я черты родные,
И я остался жить в мечте,
А в той мечте - лишь дни былые.

Смотрел на мир четверкой глаз
Да парой уст к цветам тянулся.
Но есть предел. И как-то раз
Я вдруг прозрел, от сна очнулся.

И начал жить - всем вам служить,
Стремился сказку сделать былью,
Учился и учил парить,
Я - за распахнутые крылья.

Жить в честь достоинства людей -
Вот в чем была моя отрада.
Я этим жил немало дней,
Теперь и мне тепла бы надо.

Все, все, в кого вдыхал свой жар,
Идут по жизни вдохновенно,
А мой зачахнувший пожар
Томится близким пленом тлена.

Так оглянитесь же, кто знал,
И по улыбке подарите.
Я третью ночь подряд не спал,
Тоска вошла в мою обитель.

Нечаянно Вы дарите любовь
И, не прощаясь, веете разлукой.
Любовь и кровь - старинная рифмовь,
Но что слова? Пожалуйте мне руку.

Вкус меда Ваших губ всего милей,
С цветов, из снов Вам пчелы мед носили.
Нет губ нежней нежнейших и теплей,
И нет им равных по любовной силе.

Позвольте же, прошу Вас, спеть о Вас,
Любовь весной полнит человека.
Пусть трубадурский позавидует Прованс
Тому, что Вы живете в нашем веке.

Проходят сотни, тысячи веков,
Но колдовство в словах неизменно:

**«Люблю тебя», – все та же группка слов,
Но сила их ничем не измерима.**

**Сливаются и губы, и тела,
И стук сердец звучит единой песней.
Любовь всему живому жизнь дала,
И нет пока чудес ее чудесней.**

**Пройдет еще немного тысяч лет,
И на звезде, пока не достижимой,
Промолвят покорители планет:
-Люблю тебя...
- А я тебя, любимый!**

**Расстреляны проклятые мятежники,
Подорван миной вражеский корвет,
И я не попрошу тебя о нежности,
Во мне былых желаний больше нет.**

**В бою команда наша подызрублена,
Разорван на бинты последний флаг,
И тонет капитанская посудина,
И не курить матросам свой табак.**

**Победа? Да! Победа над пиратами,
Я страсти задушил своей рукой,
Их трупки по трюмам позапрятаны...
Но Боже, Боже мой, какой ценой!**

ЛЮДМИЛА ГРЕЧАНИК

(СТУДЕНТКА 1980-х РОКІВ)

СИНЕ-БЕЛАЯ ПЕСНЯ

В.И.Далю

По булыжной мостовой
Не трамваев перезвон—
Колокольчик под дугой
Завился. А вот и он—
Синеглазый особняк,
Где тревожно смотрит вдаль
Синеглазый мой земляк,
Гражданин Владимир Даль.
Сердца стук – морская синь,
Сердца стук – степная даль,
Сизый бриз, седой ковыль,
Сине-белая печаль.
Белым парусом строка
По фарватеру небес...
В древних сказках ямщика
Оживает мелкий бес.
Разговор длинней версты,

Слов крылатых мишура–
Да на белые листы
Синим росчерком пера
То кабацкая гульба,
То лихой казачий крик...
Так вплетается судьба
В переплеты синих книг.
Сердца стук – морская синь,
Сердца стук – степная даль,
Сизый бриз, седой ковыль,
Сине-белая печаль.
То ли небыль, то ли быль.
Те ль слова и слава та ль?
Сизый бриз, седой ковыль,
Сердца стук- Владимир Даль

ОЛЕГ НЕБОЛЬСІН (СТУДЕНТ 1986–1991 РОКІВ)

**Я в ванильном небе прыгал с парашютом.
Вру, без парашюта. Не успел собрать.
И, когда я падал, вспомнил почему-то,
Как боялся в детстве глянуть под кровать.**

**Вспомнил апельсинов новогодний запах,
Папин мотоцикл, мамыны коржи...
И как бился ночью в липких лапах страха
Ста лет одиночества над пропастью во ржи.**

**Был полет коротким над гнездом кукушки -
Бремя колокольчиков, оттепель, застой...
Время не обманешь на хмельной пирушке,
Если оказался другом вдруг чужой.**

**Каюсь, многовато для прыжка метафор.
Разум любит игры. Призрачен полёт.**

Как ты не пытайся убежать от страха,
Он тебя догонит и заживо сожрёт.

I'm as simple.
Like this world.
This is my secret,
Because i'm god.

Білі стріхи будинків, зима,
Знову лютий в душі - жах,
Десь кохана моя сама,
А я тут, в чотирьох стінах...
Ледве чути на білих мух,
Ніби зроблений із тиші світ,
Десь далеченько мій друг,
Трохи ще - замете слід.
Отже марно, але болить...
Десь кохана моя, та друг,
Хай їм грець, та нехай щастить!
Хтось один мабуть зайвий тут.
Геометрія все псує -
Ми в трикутниках кола доль,
Це життя як воно і є -
Аксиома. Або пароль.

Бог отвернулся от нас.

Не сейчас.

Много веков назад.

Когда появился ад...

...

Но немного раньше ада,

Земля была райским садом.

И было правило. Вот его суть:

Не пытайся судьбу надуть!

И себе и другим

Доверяй. И не лги.

Так и жили Адам и Ева.

И бог не смотрел на них с неба,

Занимался своими делами,

Доверяя Еве с Адамом.

И все бы благополучно,

Пока им не стало скучно,

И они захотели воли...

Дураки. Ведь ее было море.

Свободу свободным?! Днище.

Добра от добра не ищут.

Сытым не нужно хлеба.

Оставили б птицам небо...

Но Ева с Адамом – люди.

Подумали: будь, что будет.
Хотим полететь, как птицы!
Чтоб никому не молиться.
Чтоб никого не слушать.
Чтоб ничему не верить.
(думали, будет лучше
там, за последней дверью)
Бог им сказал: Ступайте.
Бог им сказал: Идите.
Только, ребята, знайте,
Теперь ни о чем не просите.
Вы окажетесь в мире
Морали, границ и законов.
Там дважды два – четыре,
Преступники и погоны,
Начальники и налоги,
И семью называют браком...
Мало было в раю свободы???
Отправляйтесь-ка в ад, однако!
...
Свесил боженька ноги с тучи
И заплакал, на это глядя:
Я ж хотел, чтобы было лучше.
Для людей. А они как...

Жизнь пронзая миллионами разных дорог,
От весны, до зимы, как от Владивостока до Рима,
Вдруг поймешь - убывает отпущенный срок,
И дороги в клубок заплетаются неумолимо.
Вдруг почувствуешь - люди не стали добрей,
Изменить этот мир не помогут Толстой или Герцен...
Лишь любовь - квинтэссенция пройденных дней -
Пережитых путей, исходящих из самого сердца.

Писать стихи в кофейне у окна,
Когда весенний дождь срывает крышу,
И думать: С кем она? Одна?
И кем дана мне? Неужели свыше?
Глоток мате, и снова, между строк,
Ее глаза, знакомые до боли.
Спаси и сохрани, мой бог,
Всех остальных от этой доли!
Так много думать, и так мало жить,
Так много знать, так мало сделать!
Так искренне напрасно полюбить,
Так глубоко безвыходно поверить...
Весенний дождь, прохожие, зонты,
И подвисает интернет немного.

Facebook, iPhone и прочие понты...

Еще мате! И не судите строго.

ВІКТОРІЯ ДМИТРЕНКО
(СТУДЕНТКА 1986–1991 РОКІВ)

ДРУЗЬЯМ

Не люблю расставаться я даже тогда,
Когда знаю, что встречу скоро.
Для меня беспредельно большая беда
Расставание с тем, кто дорог.

Я хочу, чтоб друзья мои жили со мной
Ежедневно и ежечасно,
И я верю, что будет, как я хочу,
Что мечты мои не напрасны!

Мы расстались, но с искренней верою в то,
что последует снова встреча,
Что споём мы ещё не раз
Нашей дружбы святую песню

МИХАЙЛО ЧИРКОВ

(СТУДЕНТ 1992–1997 РОКІВ)

**Качели — они такие:
Ветер навстречу.
Качают тебя другие.
Так будет не вечно.
Держу твои камни в кармане,
Вынес — не вынес?
Потом скажем маме,
Что ты уже вырос.**

Д. Рогачёву

**Ты был прав, и конечно ты мёртв.
А у мёртвого больше прав
На последнюю правоту.
Когда больше не вмоготу.
Ты сказал, что узнал секрет —
И тебя, и его уже нет,
Но я, кажется, стал понимать,
Что его лучше не узнавать.
Но не всё ведь зависит от нас?
Или нет? И приходит час,
О котором мы знаем внутри?
Ты был прав. Лучше не говори...**

**Кому-то равнинное полюшко,
Кому-то бароновский лес;
Могла бы и невская корюшка,
Со мной долететь до небес,
Но врос я корнями в другую,
Не злую, а просто судьбу,
Я выдохну в небо морскую
Сивашскую память мою.
А степь... Как проснётся весной,
Как встанет над ней воронец,
Ты знай, что я тоже с тобою,
Начало - начало - конец.**

Мой город лежит в безвременьи,

Небо без дна.

В глазницах рыбьего племени

Призраки сна.

В словах разлито молчание.

Осень пришла.

И будет ещё печальнее,

Если весна.

ОЛЬГА КРИЖАНОВСЬКА
(СТУДЕНТКА 1992–1997 РОКІВ)

СОНЕТ

**НА ГОРЫ ОПУСКАЕТСЯ ТУМАН,
КИТАЙСКИЙ ГОРОД ТОНЕТ В МОЛОКЕ.
Я МАЛЬЧИК-С- ПАЛЬЧИК У ОТЦА В РУКЕ,
И КАЖЕТСЯ, ЧТО ЖИЗНЬ МОЯ – ОБМАН.**

**И ГРУСТЬ СЖИМАЕТ СЕРДЦЕ, И ОПЯТЬ
НЕВЫНОСИМО ХОЧЕТСЯ ДОМОЙ...
ПОГОВОРИТЕ КТО-НИБУДЬ СО МНОЙ!
ВЕДЬ Я ХОЧУ О БУДУЩЕМ МЕЧТАТЬ,**

**ХОЧУ УВИДЕТЬ ГОРОД НАД РЕКОЙ,
ОПЯТЬ УСЛЫШАТЬ УТРОМ ГОЛУБЕЙ
И ЖИТЬ В МОЕЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРОСТОЙ,**

**А НЕ ДЕЛИТЬ «ЛЮДЕЙ» И «НЕ-ЛЮДЕЙ»!
НЕВЫНОСИМО ХОЧЕТСЯ ДОМОЙ.
НО ДОМА НЕТ. И НЕТ МЕЧТЫ МОЕЙ...**

**В'ЯЧЕСЛАВ ГУСАКОВ
(СТУДЕНТ 1992–1997 РОКІВ)**

**Завжди чогось не вистачає
Й не вистачатиме завжди.
Найбільш пекучої печалі
Ніде й ніколи не знайти.**

**Заможний ти або злиденний,
Невпинний пошук – ось твій рок.
Усяк із нас – повік нужденний.
Всього не має навіть Бог.**

**У монастирську йдемо тишу,
На дальні зорі летимо
І на загибель найлютішу
Заради чогось ідемо.**

Так і було, і є, і буде,
Від сотворіння повелось:
І нас веде, й планету крутить
Це рятивне трикляте «щось».

Последний троллейбус ушел, а я опоздал на полмига.
С прозрением наедине на улице темной стою,
Как спятивший тот Робинзон в пустом ожидании брига.
Последний троллейбус ушел в такой долгожданный уют.

А я недобрал-то всего полмига... Полмига... Полжизни
Легко уместились бы в том, что я не успел и не смог.
Полшага, полслова, полсна, полвздоха, полвзгляда, полмысли...
Сложились вдруг в целый и до мурашек кошмарный итог.

Троллейбусу вслед посмотрю. Зажгу, не спеша, сигарету.
Позволю годам и судьбе закончить свое колдовство.
Послушаю шум проводов, как будто по линии этой
Струится сама благодать. Но мне-то теперь что с того?

Мне страшно стать для тебя потерянным.
Даже, несмотря на то,
Что ты обязательно меня найдешь.

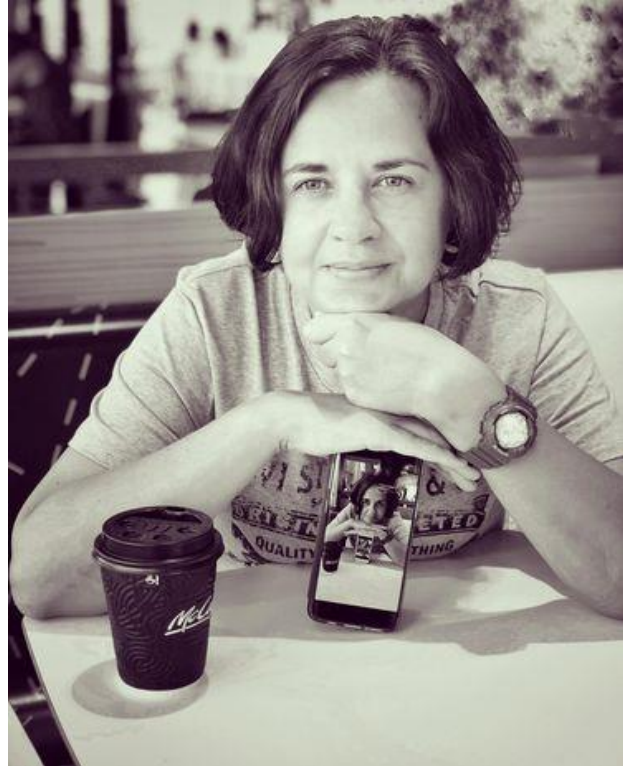
Ты найдешь меня во всем,
Что не сможешь понять,
Во всем, что будешь вынуждена простить,
Во всем, с чем будешь вынуждена смириться.
Ты найдешь меня в утреннем сне
и проснешься за секунду до...
Ты найдешь меня на истертых страницах,
Пытавшегося учить своих учителей.
Ты найдешь меня в глазах своего отражения,
и поймешь, что из них исчезло.
Ты найдешь меня,
когда не захочешь ничего искать,
но как никогда захочешь,
чтобы хоть кто-нибудь
нашел тебя.

ПАРАДОКС

Когда не в силах более спешить
Куда-то, убегая от чего-то,
Мы нестерпимо жаждем для души
Высокой, упоительной работы.
Внимаем нотам, смотрим на холсты
И прозреваем, вчитываясь в строки.
Хотя б на миг становимся чисты,

Творцам хвалу возносим за уроки.
Но, парадокс, для наших душ уют –
Мелодии, слова, движенья, краски...–
Порой такие люди создают...
К ним подойдет не каждый без опаски.
Тому, кто души взялся врачевать
Чужие, сохранить свою непросто.
Ведь обрести он может благодать,
А может – мрак. Был прав старик Ламброзо.
Какие муки нужно пережить,
Себя низвергнуть в пропасть с пьедестала,
Чтоб детище одной больной души
Потом для тысяч душ лекарством стало!
Мир будет жить, покуда в нем живут
Те, кто не куплен ни рублем, ни чином.
Не красота, а люди мир спасут,
Больные красотой неизлечимо.

ЕЛЛА МІНАЄВА
(СТУДЕНТКА 1996–2001 РОКІВ)

**Я брошена в чужие города,
Чтоб руки пожимать чужие.
Мой дом – не мой. И было так всегда:
В моём дому чужие люди жили.
Я падаю в чужие города
(Мир предо мной захлопнул двери, ставни),
В чужие сны, в которых я одна.
Совсем одна, как эха отзвук давний...**

Сто раз дикарски ухала!
Неслась по лесу! Вслед
Мне эхо многоухое
Желало долгих лет!

И с уханьем, и с криками
Искала в реках брод.
Сто раз губами дикими
Обгладывала глѣд.

Глаза не зрят...
И свечи жечь не надо.
От этой муки
 не поднять лица.
Но темнота
божественно распята
 Меж сторонами света
 для слепца,
Чтоб в знойный день
 на площади
 (В бреду ль?!),
Прищурясь на сияние, –
О, да! –
Понять, что ОН пришёл
 и руку протянул.
– Прозри меня! Прозри!!
 И лёгкий
 взмах
 перста...

Сырое утро. Сильные правы.
И чёрный плащ намеренно старит.
Кровавый сгусток царственной зари
Касается лжецарской головы.

О, это знают только лжецари,
Ступая на помост ногой беспечной,
Что жить безумно, чтобы кануть в вечность,
Умеют НАСТОЯЩИЕ цари!

И яблоко в толпе не отыскало б места...
Холодными словами чеканят приговор.
И ждёт палач, склонившись на топор,
Всепоглощающего жеста.

Смешались наши дни.
Мы возраста не знаем.
Любимый! О, взгляни,
Что происходит с нами!

Любимый, я люблю!
Снов нити. Колыханье...
Я шелкопряд. Я сплю.
Ловлю твоё дыханье.

КИР ІГОШЕВ
(СТУДЕНТ 2005–2010 РОКІВ)

ЛИ БО И ДУ ФУ

**На востоке, где кончались
Императорские земли,
Два поэта повстречались,
Повстречались в день осенний.**

**Старший, странник седовласый,
Отшагавший пол-отчизны,
Часто смехом громогласным
Отвечал на шутки жизни.**

**Меч на поясе носил он,
Крепок был и ладен телом,**

Но ни разу грубой силой
Не решал простого дела.

Младший от занятий книжных
Был собою худ и бледен,
Ростом был немного ниже,
Прост душой, одеждой беден.

Сердцем боги наделили
Справедливым и отважным,
С духом мягким в мире были
Острый ум и знаний жажда.

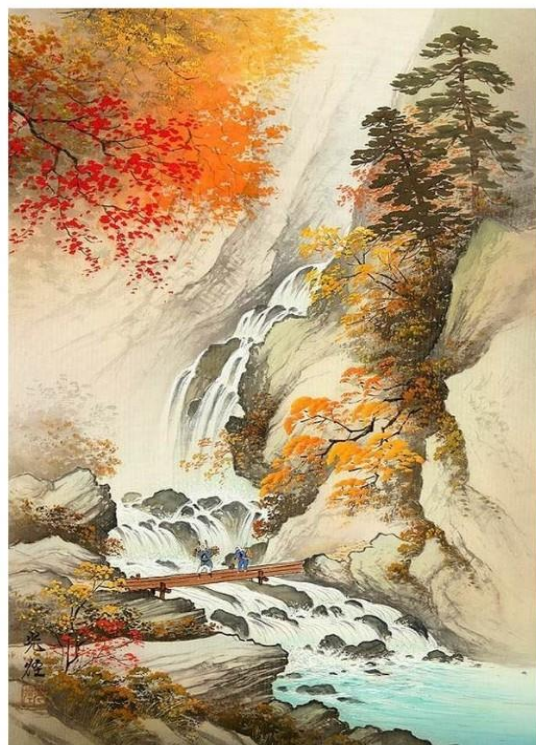
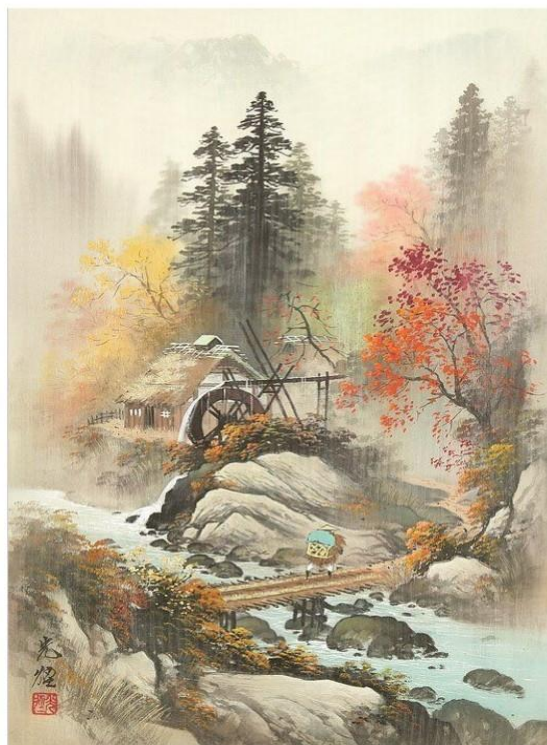
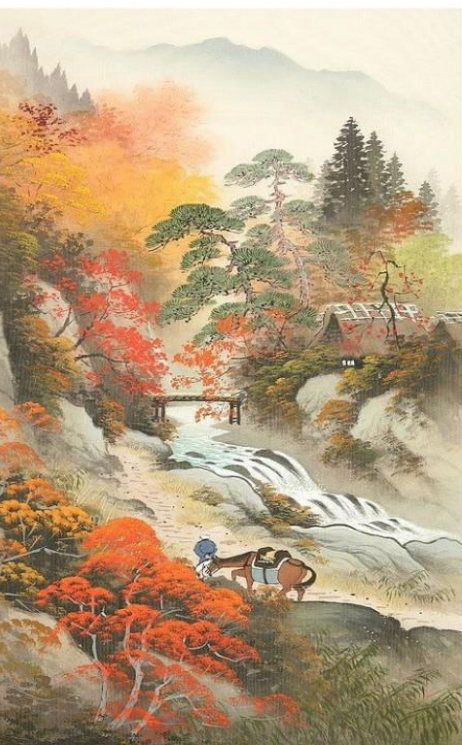
Озаренье облакая
В строки, данные природой,
Шепот мира пропуская
Сквозь себя, дарил свободу

Кисти первый; у второго
Был в стихах весь мир помянут,
И на лист любое слово
Шло из сердца чисто, рьяно

Он писал о том, что было,
В годы страха и тревоги;

**Был творцом, гравером был он
И художником дороги.**

**Так, сойдясь в пути по свету,
Повстречались два начала
Инь и ян; и двух поэтов
Дружба крепкая связала...**

ДАР'Я ЗУБАРЬ
(СТУДЕНТКА 2005–2010 РОКІВ)

УНДИНА

Мои стихи – мои грехи.

Они слепы, они глухи.

Слова мрачны, печальны строки.

Мои стихи – мои пороки.

Цветок волшебный в сонной чаше

Целуют губы мёда слаще.

Как душу не отдать в пылу?

Я после сяду на метлу

И полечу стрелой свистящей

К утесу над рекой бурлящей.

Там, к небу руки простирая,
Свой страшный дар благословлю.
Я – муза с лирой во хмелю.
От ада далеко ль до рая?

Дорога в рай лежит сквозь ад.
Метнувшись ввысь, нырнув в пучину,
Моя бесстрашная Ундина
Сажает дивный райский сад.

Она поет – растут цветы,
Она поет – цветут деревья.
Ее стихи – ее плоды,
Ее стихи – ее коренья.

Моя Ундина ждет чудес.
Вдруг наступает тишина,
И голос слышится с небес:
«О грешница, ты – прощена!»

ЮНОСТЬ

**Робко стоит у двери
Юность зеленая с проседью.
Юность поет о любви,
Юность тоскует по осени.**

**Юность - вся жизнь впереди!
На сердце первая трещина.
Страсть роковая, входи!
Женщина! Женщина! Женщина!**

**Тело бросает в дрожь.
Что-то нелепое чудится.
Я ль это, зеркало? Лжешь!
Кто же в такую влюбится!**

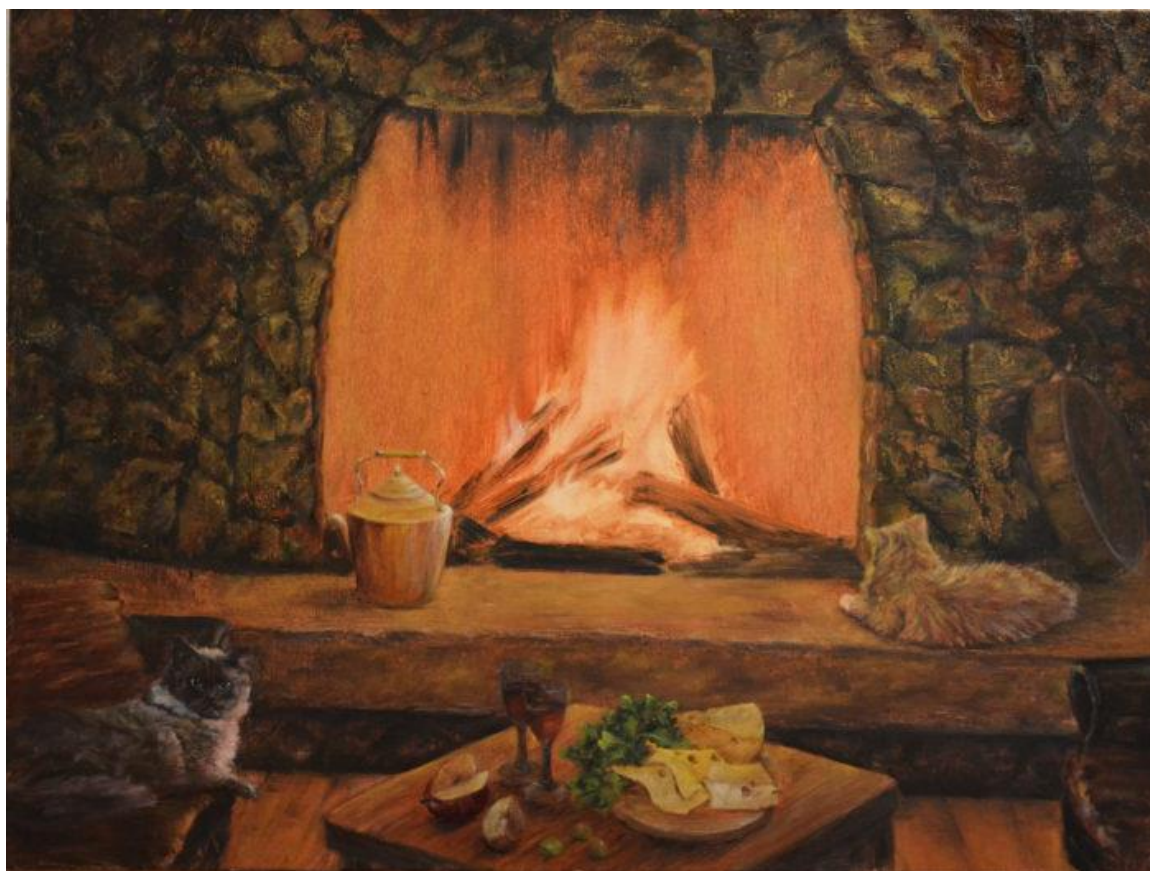
**Но я иду к окну
Слушать чудесное пение,
Руки к тебе тяну,
Солнце мое весеннее.**

У КАМИНА

Лунною ночью светло на душе.
Я не ищу больше смысл бытия.
В домике нашем – рай в шалаше.
В плед у камина закуталась я.

Греет тепло твоих трепетных рук.
Как хорошо быть вдвоем и любить!
Милый мой, преданный, ласковый друг,
Как мне мучительно хочется жить!

АНАСТАСІЯ МАРТИНЮК

ОТЧАЯНИЕ

Я люблю котов, книжки и звезды,
Наблюдать этот мир из окна.
В моей комнате тихо и просто,
Но пока не наступит зима.
Здесь она наведет свой порядок,
Прочь пылящийся выбросит хлам,
А с души уберет весь осадок
И залечит последствия ран.

Все расставит по полкам и рифме,
В моем мозге теперь лишь уют.
Исполинские черные грифы
Неохотно покинут приют.
Тают в небе их черные тени,
Перья лезвием в белый ковер.
И исчез на рассвете последний
Мой мучитель и мой живоде́р.
Снег с песком под моими ботинками.
Все в предчувствии радостном ждут.
Предвкушают деревья жилками-
Холода эти скоро пройдут.
Поменяется минус на плюс.
Хочу плакать, неистово злиться.
А во рту металлический вкус.
Мне бы в угол скорее забиться.
Я в морозы вгрызаюсь зубами,
Но весна в паре суток пути.
Снег последний сгребаю руками.
«Я прошу тебя – не уходи!»

СОСТОЯНИЕ

Внезапно в два ночи явилась гармония,
И снова я личность, и снова живу.

Идеи и мысли роятся колонией,
И по ощущениям все по нутру.

Мой кризис последний мучительно длинный
Пока свои лапы на горле разжал.
И голос внутри не настолько противный,
Ослаблен мой самобичующий шквал.

И рифма размеренно льется наружу,
Её не стесняет опаска и стыд.
Зачатки порядка в себе обнаружив,
Исчезнет нужда снова плакать навзрыд.

И, может быть, это затишье пред бурей.
Исход таковой вероятней всего.
Не ново латать швы на собственной шкуре.
Миг грудью дышать - это стоит того.

МЕЖДУ...

Между нами тысяча мыслей,
Но роднит нас всего лишь одна.
Наполняя жизнь собственным смыслом,
Испиваем ее до дна.

Между нами пространство и время,
Что захватит в водоворот.
Но мы смело несем это бремя
Сквозь туманы тревог и забот.

Между нами всего лишь шаг.
Эго, гордость ему помеха.
Ты – единственный «верный враг»
И мое далекое эхо...

ІРИНА ГРИГОРЬЄВА

(СТУДЕНТКА 2010–2015 РОКІВ)

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Пустыня, зной и нет людей вокруг.

Надежды на спасение всё меньше.

Вдруг вышел нам навстречу добрый друг,

И на душе внезапно стало легче.

Откуда он? И как его зовут?

И как он распознал слона в удаве?

«Не уходи, постой, со мной побудь!»

Как убедить остаться детство с нами?

Пока мы дети, мы мудрее всех,

Но позже эту мудрость забываем.

Смешными, глупыми мы называем тех,

Кто искренности в сердце не теряет.

Спасибо тем, кто нам понять даёт,

Что детство никогда не умирает,

Что люди из-за жизненных забот

О нём так часто просто забывают!

И ничего, что время нас не ждёт,

И не глядите в зеркало уныло!

Ведь детство всё равно в душе живёт,

А значит, оно будет, есть и было!

ВІРШ ПРО ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

**Багато вже написано про нього,
Про символа народу України,
Який віддав, що мав він дорогого,
Щоб радісним було життя людини.**

**Пройти свій шлях було нелегко дуже,
Коли зі всіх сторін його давили.
Але ж Тарас зумів зробитись дужчим,
Як фенікс, душу з попелу відродити.**

**Його віршів прочитано чимало,
Його ім'я ніхто не забуває.
Немов іскристе, чисте, вічне плам'я,
Воно в людському серці запалає.**

**Спасибі за любов до нас і віру.
За всі вірші, що нам Ви залишили.
В житті Вам горе випало без міри,
І все це Ви так гідно пережили!**

У Ваших віршах ллють горючі сльози:

Гірка образа за народну долю.

Ви стримати її були не в змозі.

І випустили біль тяжкий на волю.

Нехай Вас в кожній хаті і родині

За Вашу чесність будуть шанувати,

Як Ви колись писали в «Заповіті»:

«Незлим і тихим словом пам'ятати».

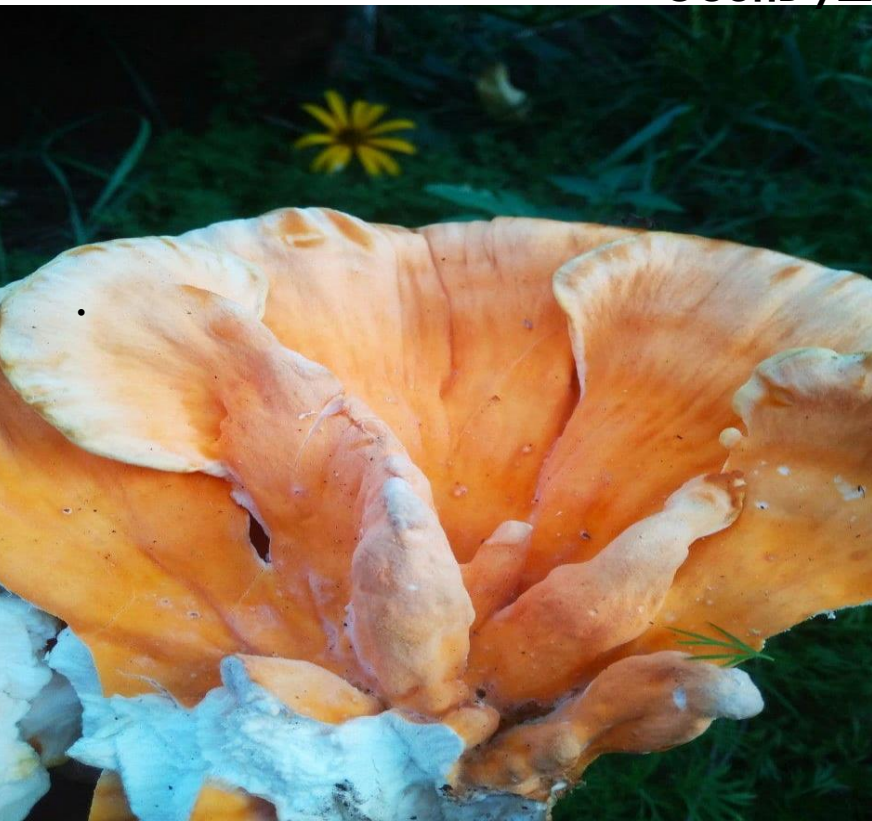
АНТОН КОЗЛОВ
(СТУДЕНТ 2015–2018 РОКІВ)

Хайку

**В лесу нашли гриб,
Срезать не стали.**

Осень ушла

ОЛЕКСІЙ ДІЗЕНКО

(СТУДЕНТ 2016-2022 РОКІВ)

**Жизнь – всё, за смертью – ничего,
Одно сплошное разочарованье,
Но в жизни каждому из нас дано
И предначертано какое-то призванье.
Мы все равны перед Божеским судом
И как бы не старались оправдаться,
Всё, что мы делаем сейчас,
Потом оно зачтется или по заслугам нам воздастся!
А жизнь идёт, бежит, летит, стремится,
Как умереть, так заново родиться
И этого нельзя остановить,
Чтобы спокойно и нормально жить,
Ведь жизнь и смерть –
Два Божеских создания,
Они придут, побудут и уйдут
– в упокоянье!**

